

Нестеров А. Аллегория Пяти чувств в изобразительном искусстве XIII–XVII вв. : эволюция от сюжета к мотиву // Бестиарий и чувства: сб. статей / сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. М. : Intrada, 2017. С. 9–51.

Свешников В. Очерки христианской этики : Учеб. пособие – 2. изд., испр. и доп. М. : Паломник, 2001. 622 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/ocherki-hristianskoj-etiki/2_4 (дата обращения: 10.04.2022).

Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. Минск, 1990. 448 с.

Феофан Затворник. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия : краткие поучения – Изд. 4-е. – Москва : Правило веры, 2009. 398 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/mysli-na-kazhdyj-den-goda-po-tserkovnym-chtenijam-iz-slova-bozhija/299 (дата обращения: 16.04.2022).

Korelina A. D. Motifs of vision and blindness in the works of Simeon Polotsky.

Abstract. The motives of vision and blindness have been developed throughout the existence of Christian literature. The variety of possibilities of metaphorical representation of the motive allows the authors of sermons to pay attention to those problems and ideas that are relevant for their eras. Simeon Polotsky, relying on the Biblical tradition of understanding blindness, on the works of the Holy Fathers and European theologians, introduces meanings important for Modern history. This is the solution of anthropological problems, educational ideas, and attention to human earthly life, to its social, everyday aspects.

Keywords: sight and blindness, Simeon Polotsky, baroque poetry, sermon, 17th century

Н. А. Лукьянов

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Смерть и воскресение в творчестве Симеона Полоцкого¹

Аннотация. В работе рассмотрена взаимосвязь феноменов смерти и воскресения в творчестве Симеона Полоцкого. Дается анализ образного воплощения раскрываемых проповедником явлений. Выявляются особенности подачи авторского понимания проблемы в виршевой поэзии и церковных проповедях. Для исследования задействованы тексты из сборников слов и поучений «Обед душевный» и «Вечера душевная», а также из поэтических сборников «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион».

Ключевые слова: проповедь, поэзия, смерть, воскресение, Симеон Полоцкий.

Мифологема умирающего и воскресающего бога – один из основных компонентов религиозных представлений многих древних культур [Фрэзер 1980: 362 – 363, 402, 428 – 429], соответственно смерть и воскресение рассматривались в комплексе еще задолго до появления христианства. Но если в архаических культурах такая мифологема служила символом непрерывности природных циклов, вечно обновляющегося мира, то христианский миф толкует события конца страстной недели в подчеркнуто сотериологическом ключе:

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22–28–01617 «Противостояние “кромешному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия»

добровольная жертва Христа, как божественного существа, вновь открывает для христиан возможность спасения души.

Рассматривая дальнейший контекст бытования мифологемы в христианской традиции, видится целесообразным обратиться к творчеству отдельных мастеров слова и выявить, как используется ими канонический сюжет: какое ему придается дидактическое содержание, в каких образах он может быть представлен и как следствие – выйти на авторскую аксиологию. В данной работе будет рассмотрено воплощение указанного библейского сюжета в литературном наследии Симеона Полоцкого – христианского проповедника и крупного церковного деятеля конца XVII в.

Смерть и воскресение Иисуса в христианстве традиционно рассматривается как торжество (притом нашедшее отражение в церковном календаре). В поэтическом сборнике «Рифмологион», объединяющем стихотворения поздравительного характера, предназначенные для придворного чтения, этому событию посвящен цикл «Стиси на Воскресение Христова общии».

Идейно-тематическая направленность стихотворений цикла достаточно однообразна (чем, по-видимому, и объясняется отсутствие названий): большинство из них содержат поздравления с праздником Пасхи и призывы к благочестивой жизни, часто сопровождаемые констатацией вновь обретенной возможности унаследовать царствие небесное. Христос, дав возможность человечеству существовать в новом качестве соотносится с Адамом как зачинателем человеческого рода, но погубившего его вследствие собственного неповиновения божественному завету: «Адам бо пѣрвый вся умертвил бяше, / егда от плода древняго вкушаше. / Адам же второй весь род оживляет, / смерть всеядущу токмо умерщвляет» [Полоцкий 2013: 416].

Связь смерти и воскресения в этом цикле подается в полном соответствии с христианским ее пониманием: страдания и смерть Христа, как сына Божия и добровольного избранника на муки, открывает утраченную вследствие первородного греха возможность праведникам по окончании земной жизни обрести жизнь вечную, что неоднократно именуется автором как своего рода воскресение духовное для всех христиан: «... смертию Его смерти избавлени, / С воскресшим нынѣ и мы воскресохом» [Полоцкий 2013: 363], «Велию радость аз вам возвѣщаю, / Христа воскресша нынѣ прославляю, / Иже смерть попра, нас же оживляет, / в градѣ небесном наслѣдие дает» [Полоцкий 2013: 365]. Причем смерть и воскресение Христа чаще всего рассматриваются и трактуются не по отдельности, а как единый событийный комплекс с целостным смыслом: победа над обреченностью человеческого рода на посмертные адские муки: «Днесь совершаем, Господа хваляще, / воскресенье Христово славяще, / Иже нас дѣля изволил страдати, / погребен быти, из гроба востати» [Полоцкий 2013: 363], Христос «Умерл бѣ, но днесь от гроба воскресе / и нас с собою из ада вознесе» [Полоцкий 2013: 346]. Тем не менее в некоторых стихотворениях цикла смерть Христа и его воскресение рассматриваются отдельно, но тогда и то, и другое предстает как событие, лежащее в космогонической плоскости: «Плакася небо Его смерти зѣло, / егда на крестѣ зряше Его тѣло, / Свѣтила во тму преложенна бяху, / страданий горких зрѣти не терпяху. / Земля трясеся, дабы поглотити / дерзавших Христа Господа убити. / И камение нѣдра си терзаху, / знамя печали мірови являху. Вся тварь скорбию бяше помраченна, / видящи Бога в плоти убиенна» [Полоцкий 2013: 375], «По темной нощи солнце днесь сияет, / по всей вселенной лучи разсыпает. / Светится небо, земля веселится, / в радости ризу вся тварь облачится» [Полоцкий 2013: 400].

Желая подчеркнуть, что жертва Христа окупилась сторицей (позволив душам праведников переселиться в небесные чертоги), Полоцкий прибегает к характерной¹ для него земледельческой образности: «Легл бяше во гробѣ, як в земли пшеница, / рожденный прежде

¹ О земледельческой образности у Симеона Полоцкого см. Лукьянов Н. А. «Приобщение к вечности в образной системе проповеди Симеона Полоцкого «На погребение»» // Молодые голоса. Сборник трудов молодых ученых. Изд-во Уральского федерального университета. Вып. 10. С. 11–14.

светлыя десница. / Днесь израстает клас пребожественный, / многими зернами в сто усугубленный» [Полоцкий 2013: 351].

Обратимся к вопросу о том, как представлен т.н. «кромешный мир» в художественном мире Полоцкого. Многие стихотворения цикла отражают традиционно присущее христианству противостояние смерти духовной и противостояние аду как средоточию антиценностей религии (авторская аксиология здесь всецело соответствует общехристианской). При этом неоднократно подчеркивается, что Христос в этом противоборстве победитель, а смерть нередко персонифицируется: «Христос воскресе, а смерть умертвися, / жилище ея нынѣ испразднися» [Полоцкий 2013: 359], «Смерть Христом богом тогда поразися, / егда по смерти в гробѣ положися» [Полоцкий 2013: 341]. Также используются уже ставшие устойчивыми метафоры, сопровождающие образ смерти и в проповедях автора: «Им [Христом] же смертная коса притупися, / острое жало ея сокрушися» [Полоцкий 2013: 361]. Такая метафора очень точно отражает христианское понимание вопроса: смерть не исчезла из мира насовсем, но ее последствия отныне не столь губительны для человеческой души.

Проповедник сохраняет традиционную для христианства дихотомию ада и райской обители и работает в плоскости этого противопоставления. Противостояние аду ведется как бы от противного: автор пытается показать, как благостна вечная жизнь на небесах, упоминая, что преисподняя теперь не единственно возможное обиталище душ после смерти: «Днесь мы от ада мрачна свободенни, / к вечному свету Христом приведени» [Полоцкий 2013: 359], «Живите убо с Христом многа лѣта / в сем свѣте. Он вам невечерня свѣта / День даст на небѣ, того вам желаю / и о том молбы к Богу возсылаю» [Полоцкий 2013: 354]. Полоцкий не затрачивает больших словесных усилий на описание преисподней, ее враждебных человеку свойств и обитателей (т.к., по-видимому, малый объем поздравительных стихотворений не позволяет этого сделать), но постулируется конец ее власти над душами, освобождение от ее уз, ее ниспровержение, утверждение контроля над ней: «Христос Бог побѣдил есть ада, / овец словесных свободил есть стада» [Полоцкий 2013: 355], «Смерть умертвися, живот торжествует, / ад разорися, небо ликовствует. / Уже из ада род наш свободися, / и в наслѣдие небесе вселися» [Полоцкий 2013: 364]. В художественном мире Полоцкого ад и смерть нередко идут рука об руку: «Христос воскресе, смерти победитель, / верий желѣзных адских сокрушитель» [Полоцкий 2013: 361], «Нынѣ воскресе, яко победитель, / смерти попатель, ада разоритель» [Полоцкий 2013: 372]. Страдания Иисуса в страстную неделю подаются как борьба с проявлениями «кромешного мира» в земной жизни: [ныне] «... сила грѣха притупися, а власть диавола в міре умалися» [Полоцкий 2013: 426]. Кроме того, «кромешный мир» осмысляется и метафорически: «Нощь всемрачная даже дондесъ бяше, / яже весь род наш в адѣ помрачаше. / Никто доселе, о превѣчный Боже, / пути до неба обрести возможе» [Полоцкий 2013: 354]. Когда же наступает победа, это расценивается как торжество: «По брани тяжцей Христос торжествует... Смерть тщася ЕГО Самаго глотити, / Он же прилѣжа весь мір оживити» [Полоцкий 2013: 382], «... всяк земен верный Христу пети тщится / Песнь побѣдную, яко сотре ада / и смерть побѣди, нам же бысть отрада» [Полоцкий 2013: 352].

Состояние мира до жертвы Христа и после часто описывается аллегорически: «Зима у преjde, яже омрачаше / мразом грѣховным все естество наше. / Наста же лѣто претепло и красно, / свѣтящу Солнцу мысленну всеясно, / Еже лучами вся ны согрѣвает, / грѣхи, яко лед, силно растлѣвает. / Солнце есть Христос, Господь и Бог правый, нынѣ от гроба славно возсиявый, / Иже смерть попра, сотре грѣхи наша, / извел из ада...» [Полоцкий 2013: 371]. Возможно, аллегии, взятые из природного мира, способствуют «монументальности» описания, а также его предельной ясности, чего и добивается проповедник.

Несколько стихотворений, касающихся темы смерти и воскресения находим в поэтическом сборнике «Вертоград многоцветный». Это стихотворения «Гроб Христов», «Вознесение Христово» и «Вознесся Христос». Основная идея их такая же, как и в Рифмологионе: добровольная жертва «отверзла небо» для праведников. Последнее из

перечисленных стихотворений примечательно тем, что дает перечень разных видов пользы, которые принесло человеку воскресение сына Божия, и вносит в это событие такую трактовку: вознесшись на небо, Христос указал путь всем христианам – отречься от мира дольного и устремиться в мир горний. Так, «пятая польза», выделяемая Полоцким, формулируется следующим образом: «... божественный путь нам к небеси, Христом проявленный, да бы из странства в отчество желати, мир сей презрѣти, премирных искати» [Polockij 1996: 168].

Что касается раскрытия темы смерти и воскресения Христа в проповедях Симеона Полоцкого, то стоит упомянуть, что проповеднические сборники многих авторов содержат поучения на основные христианские праздники и последовательность поучений во всех сборниках одинакова (в соответствии с богослужебными кругами), однако среди авторов нет единства относительно того, текстом на какой праздник должна открываться эта последовательность. Первые два «слова» в сборнике Полоцкого «Обед душевный» – пасхальные, исходя из чего можно предположить, что воскресению Христа проповедник придавал особое значение (и это полностью соответствует общехристианскому восприятию Пасхи как главного религиозного праздника). Об этом говорит и сам автор в одном из слов, где ставит Христово воскресение над остальными, пусть и очень значимыми, событиями священной истории (например, исход евреев из Египта) и сопоставляя масштаб этих событий, находит им аллегорические соответствия: «яко лампада возженная противу денницы... и звѣзда противу солнцу... яко капля воды противу морю» [Полоцкий 1681: л. 6 об.]. Причем подобные сравнения автор нанизывает в данном случае в большом количестве, стараясь сделать разницу более очевидной, а следовательно, лишний раз подчеркнуть особую значимость воскресения Христа и Пасхи как календарного коррелята этого события.

Основные встречающиеся в стихотворениях идеи, касающиеся смерти и воскресения, в той или иной степени проводятся и в проповедях. В слове а, как и во многих стихотворениях, сперва задается тональность повествования: воскресение, в первую очередь, – радостное событие для христиан, и Полоцкий призывает слушателей испытать это чувство («Радуйтеса и веселитеса хр[ис]тоименитїи людїе, яко Христос воскр[е]се» [Полоцкий 1681: л. 1]). О смысле этого события библейской истории он повествует так: «В сей день грѣхи наша, яко иней от вара солнечнаго истлеваются... врата мрачнаго ада сокрушишася... И пресвѣтлаго н[е]б[е]се двери отверзошася, да вси входимъ ими, еже вѣчныя хвалы вѣнцы воспрїати и нескончаемымъ оуслаждатиса веселїемъ» [Полоцкий 1681: л. 2]. Как и в виршевой поэзии, Христос соотносится с Адамом: «Земный [Адам] вса чада своа низвелъ баше въ землю плотїю, и душами въ подземнаа: н[е]б[е]сный же [Адам], и души и тѣлеса возводит на н[е]б[е]са» [Полоцкий 1681: л. 3]. И в стихотворениях, и в проповедях, души умерших именуются пленниками ада, связанными его узами, но получающими освобождение вследствие жертвы Христа: «[в сей день] Плѣнниковъ растерзашася оузы, ночь сама и ад просвѣтиса» [Полоцкий 1681: л. 4]. В проповеди подробнее, чем в стихотворениях, говорится о том, что конкретно искупается страданиями Христа, при этом автор не просто повествует, но и оформляет мысли посредством художественного слова: «Оле бездны щедрот б[о]жїихъ, погрузившыа бездну согрѣшений нашихъ! Оле пучины бл[а]гоутробїа г[оспо]дна, потоплшыа пучину без[з]аконїй всего міра! Оле страстей Хр[ис]та г[оспо]да, оупразднившихъ страсти наша!». Констатируется победа Христа над дьяволом и преисподней: «... вѣчный врагъ Хр[ис]томъ побѣдиса, и вѣчнаго родъ наш плѣна свободиса» [Полоцкий 1681: л. 7 об.]. Говоря о том, что страдания Христа были не напрасны, автор, как и в своих поэтических творениях, обращается к образу пшеничного зерна и колоса: «... плоть... хр[ис]това вчера обумерши, сторичный днесъ плод... содевает, егда д[у]ша хр[ис]това чистѣй пшеницѣ подобныа прао[т]цы с[вя]тыа из ада изведе пагубнаго...» [Полоцкий 1681: л. 8 об.]. Упоминается и о том, что смерть утратила в мире абсолютную власть над человеком, что отныне не существует смерти духовной (причем и образы Полоцкий использует те же, с помощью которых эта идея воплощается в

стихотворениях): «... егда смертїю на смерть наступи, тогда жало ея сотре, косу притупи, и гордую смири выю ея» [Полоцкий 1681: л. 10].

Примечательно то, что проповедник старается отражать в своей речи и традиционное восприятие времени религиозного (как и мифологического) праздника: событие, которому посвящен праздник, мыслится как совершающееся в настоящем времени: «егоже вчера коса смертная посѣкла баше, днесъ же паки прозѣбае[т]» [Полоцкий 1681: л. 1], а также: «Днесъ Хр[ис]тось г[оспо]дь из мертвы[х] воскр[е]се, и нас совоскрешаетъ с собою» [Полоцкий 1681: л. 3].

Однако в раскрытии избранной темы в проповедях есть и специфические повороты мысли, и не совсем стандартные стратегические ходы, не отразившиеся в стихотворениях. Например, в первое пасхальное слово Полоцкий вставляет своего рода речь-обращение Христа к «верным», что придает проповеди некоторую задушевность (судя по всему, прием рассчитан на то, что слушатель проникнется проповедью, не станет воспринимать ее как нечто формальное), а также выполняет функцию сближения «спасителя» и «спасаемого» – человека: «[Христос] бесѣдуетъ оуазвленнѣмъ, оукрѣпляетъ оутвержденныа: о моа твари... не того ради азъ та создалъ бѣхъ... Рай тебѣ оуготовахъ, не ад: сладости оуготова[х] и жизнь вѣчную, не смерть оустави[х]» [Полоцкий 1681: л. 4]. Также и о цели крестной муки «говорит» сам Христос: «Долженствовахъ оубо небл[а]годарныа вѣчными казнити мученїи: но... одолѣ ми м[и]л[осе]рдїе. Не агг[е]ла послахъ, но самъ азъ тебе ради снидохъ, попустих оубити себе... Изыдите н[ы]нѣ оузницы, востаните бѣднїи, отдохните плѣнницы. Се вамъ не знаемый свѣтъ блистаю... се оузы вса и вериги терзаю» [Полоцкий 1681: л. 4 об.]. Также в проповедях говорится о том, как именно следует радоваться этому празднику (на что ни в «Рифмологионе», ни в «Вертограде многоцветном» нет указаний): «... не оупивайтеса ... вином... но паче исполняйтеса духом: г[лаго]люще себѣ во псалмѣхъ... воспѣвающе и поюще въ с[е]р[д]цахъ вашихъ г[оспо]д[е]ви. Сїе есть твердое оумовъ веселїе и истинное» [Полоцкий 1681: л. 5 об.].

Если в поэтических текстах Полоцкий ограничивается утверждением о том, что воскресение Христа – радостное событие для христиан, то во втором пасхальном слове он уже подробно перечисляет категории людей, которым не следует радоваться празднику, так как «инымъ есть великаа ночь нынѣ» [Полоцкий 1681: л. 11]: «Ночь великаа есть беззаконнымъ іудеемъ, нехотащымъ знати Хр[ис]та сына б[о]жїа... нечестивымъ поганомъ, незнающимъ единаго истиннаго Б[о]га... б[о]гомерзским еретїкомъ, и всѣмъ единства ц[е]ркве расколникомъ...» [Там же]. Как видно из этого отрывка, перечислены основные группы, традиционно осуждаемые каноническим христианством.

Таким образом, в творчестве Симеона Полоцкого в сжатом виде донесены основные положения христианской интерпретации антиномии «жизнь – смерть», дана ценностная характеристика этих полюсов. Авторская аксиология всецело соответствует религиозной, а точно подобранная образность помогает яснее передать смысл сказанного. В раскрытии темы смерти и воскресения в стихотворениях и в проповедях наблюдаются как сходства (в сфере идей и образности), так и отличия (более подробное раскрытие отдельных аспектов темы).

Литература

Лукьянов Н. А. «Приобщение к вечности в образной системе проповеди Симеона Полоцкого «На погребение»» // Молодые голоса. Сборник трудов молодых ученых. Изд-во Уральского федерального университета. Вып. 10. С. 11–14

Симеон Полоцкий. Рифмологион. Bohlau, 2013. Vol. 1–2. Vol 1.

Слово первое в день с[вя]тыа пасхи // Симеон Полоцкий. Обед душевный. М. : Печ. двор, 1681. Л. 1–5 об.

Слово в, в день с[вя]тыа пасхи // Симеон Полоцкий. Обед душевный. М. : Печ. двор, 1681. Л. 6–12.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М. : Политиздат, 1980. 831 с.

Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj. Edited by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Wien: Böhlau, 1996, 1999, 2000. Vol. 1–3. Vol. 1.

Lukjanov N. A. The death and the resurrection in Simeon Polotsky's texts

Abstract. The death and the resurrection are described as a single package. The image of both are analysed. The specificity of the problem in sermon and in poetry is revealed.

Keywords: sermon, poetry, death, resurrection, Simeon Polotsky

В. В. Иванова

(научн. руководитель Н. М. Нейчев)

Пловдивский университет им. Паусия Хилендарского

Пловдив, Болгария

Еще раз о фольклорных мотивах в романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева

Аннотация. В статье делается акцент на фольклорных мотивах и некоторых символах, которые встречаются в романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Цель исследования состоит в раскрытии образа молодого нигилиста Евгения Базарова. При помощи таких символов как окно, лягушка и др. прослеживается развитие главного персонажа и проверяется прочность его нигилистической теории.

Ключевые слова: Базаров, «Отцы и дети», фольклорные мотивы, символы, окно, лягушка.

Настоящий текст – продолжение уже опубликованного доклада по фольклорной символике в романе «Отцы и дети» Ивана Тургенева. Исследуя определенные фольклорные элементы в корпусе романа, мы ставим перед собой цель раскрытия образа нигилиста Базарова. Прослеживая его путь, мы раскрываем невозможность реализации его теории. Дорога, по которой идет Базаров, ведет его к фатальному концу.

Лягушка – один из основных сказочных образов, который важен для дальнейшего понимания и развития персонажа Базарова. С лягушками он «встречается» еще в самом начале романа и только с научной целью. Он готов резать их, чтобы узнать, «что там у них внутри делается», и таким образом узнает, «что и у нас внутри делается», как он говорит крестьянским мальчикам [см. Тургенев 1976: 165].

Лягушка является амбивалентным образом, который в мифологии функционирует с положительной и отрицательной коннотациями. Она связана с плодородием и возрождением, но может причинять смерть, болезни, страдания. Она связана с водой и конкретно с дождем. (см. Топоров 1988: 84).

В роли воды в романе выступает не река или озеро, а болото, но и оно само по себе «семантически нагруженный» образ и играет свою роль в развитии образа Базарова. Неслучайно Тургенев отправляет своего героя еще на первое утро после приезда в деревню ловить лягушек в болоте. По Рогалевичу «трясина – это образ ловушки для героя; будучи образована двумя антагонистическими духу стихиями, она символизирует искус материальным, поддавшись которому, человек обрекает себя на гибель» [Рогалевич 2004: 25]. Эти первоначальные действия Базарова и место, где все происходит, несут в себе глубокий внутренний смысл, намекают на нарастающий хаос, как в самом герое, так и о хаосе, который все больше будет охватывать остальных людей вокруг него»¹ [Иванова 2019: 260].

Известно, что лягушка в русском фольклоре связывается с образом девушки, в большинстве случаев она любимая, будущая «награда» и жена главного сказочного

¹Здесь и далее перевод с болгарского языка – В. Иванова